

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-5-60-74>

Лексико-семантические особенности повести В. Г. Короленко «В дурном обществе»

(к 170-летию со дня рождения)

Екатерина Александровна Шумских

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, mamkatya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7639-928X>

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые лексико-семантические особенности повести Владимира Галактионовича Короленко «В дурном обществе». Отмечаются значимые в тексте лексико-семантические поля «Жизнь», «Дом», «Семья», «Память», связанные с реализацией в поэтике произведения приема антитезы; анализируются смысл заглавия повести, антитеза «порядочное общество» – «дурное общество», определяется роль противопоставления развалин графского замка подземелью старой униатской часовни; показано, что повторная номинация является в повести важным средством художественной выразительности, выполняя различные функции (семантическую, экспрессивно-стилистическую (эмоционально-экспрессивную), эвфемистическую, текстообразующую); рассматриваются некоторые номинативные ряды при повторной номинации, значимые в построении образов Тыбурция, Маруси, Васи и других персонажей, а также в описании развалин замка, подземелья старой часовни и др.; анализируется особая роль такого приема, как лексический повтор, отмечаются функции сравнительных конструкций, раскрывающих особенности характера главного героя. Методы исследования: лингвистическое комментирование, описательный метод, метод семантико-стилистической интерпретации текста, в отдельных случаях используется метод семного (компонентного) анализа языковых единиц.

Ключевые слова: антитеза, семантика заглавия, повторная номинация в тексте, номинативный ряд, лексический повтор, средства художественной выразительности

Для цитирования: Шумских Е. А. Лексико-семантические особенности повести В. Г. Короленко «В дурном обществе» (к 170-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 5. С. 60–74. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-5-60-74>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Lexico-semantic features of V. G. Korolenko's novella "In Bad Company" (to the 170th anniversary of the birth)

Ekaterina A. Shumskikh

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, mamkatya@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7639-928X>

Abstract. The article considers some lexico-semantic features of the novella "In Bad Company" written by Vladimir Galaktionovich Korolenko. The research focuses on such significant lexico-semantic fields as "Life", "Home", "Family" and "Memory" associated with the use of antithesis in the poetics of the work. The article also analyses the meaning of the title of the novella, as well as the antithesis of "decent company" vs "bad company" and determines the role of contrasting the ruins of the count's castle with the vault of the old Uniate chapel. It is shown that repeated naming is an important means of artistic expressiveness in the novella as it performs various functions (semantic, expressive-stylistic (emotional-expressive), euphemistic, text-forming). The paper also considers some nominative series of repeated naming which are significant for the image composition of Tyburtsy, Marusya, Vasya, and other characters, as well as for the description of the castle ruins, the vault of the old chapel, and so on. The crucial role of lexical repetition and the functions of comparative constructions revealing the protagonist's personality traits are highlighted. The research methods included linguistic commentary, descriptive method, and semantic-stylistic text interpretation. In some cases, the research used feature (componential) analysis of linguistic units.

Keywords: antithesis, title semantics, repeated naming in the text, nominative series, lexical repetition, artistic expressiveness means

For citation: Shumskikh E. A. Lexico-semantic features of V. G. Korolenko's novella "In Bad Company" (to the 170th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(5):60–74. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-5-60-74>.

Введение. Данная статья посвящена анализу некоторых лексико-семантических особенностей текста повести Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921) «В дурном обществе» (1885), многим, к сожалению, более известной как «Дети подземелья», хотя, безусловно, прочтение произведения в сокращенном виде не может дать о нем полного и точного представления. Так сложилось, что в 1886 г. в детском журнале «Родник» был опубликован сокращенный вариант произведения под названием «Дети подземелья», и в дальнейшем повесть многократно переиздавалась именно в таком виде (и продолжает издаваться в настоящее время). По этому поводу В. Г. Короленко писал: «“В дурном обществе”... так и идет в десятках тысяч экземпляров дешевых изданий в сокращенном и обкромсанном виде. А я совершенно не понимаю, почему юношество должно знакомиться с писателем в этом обкромсанном виде, а уже потом получать его в полном...»¹.

Сам Короленко называл это произведение рассказом, но объем текста и ориентация на фактическую достоверность, хроникальный сюжет, наличие нескольких сюжетных линий и система персонажей позволяют считать произведение повестью. Исследователи творчества В. Г. Короленко отмечают, что в повести явственно ощущается влияние Чарльза Диккенса, которым писатель был сильно увлечен в отрочестве.

Цель данной статьи – показать функционирование языковых единиц и некоторых стилистических приемов, важных в семантическом пространстве повести «В дурном обществе», проанализировать концептуально значимые оппозиции, выявленные в тексте произведения, охарактеризовать некоторые средства художественной выразительности.

Анализ. Повесть имеет подзаголовок *Из детских воспоминаний моего приятеля*. При этом неизвестно, сколько лет прошло после события, которым посвящены воспоминания героя, сына городского судьи.

¹ Цит. по кн.: Короленко В. Г. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1989. С. 614.

Точка отсчета в воспоминаниях Васи – трагедия в жизни семьи, ставшая причиной отчуждения между мальчиком и отцом:

Мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моем существовании².

Между тем «сигналы припоминания», характерные для автобиографической прозы (*помню, помнится* и др.) [Николина 2003: 33], в тексте произведения встречаются редко. Они появляются в речи повествователя, когда чувства и эмоции переполняют его, когда фрагменты текста насыщены коннотативной лексикой. Например, это эпизоды, передающие детское восприятие разрушенного графского замка, который даже на мальчишек-сорванцов *наводил припадки панического ужаса (Я помню, с каким страхом я смотрел всегда на это величавое дряхлое здание...); памятным* оказался для Васи и ненастный осенний вечер, когда Януш неожиданно решил оставить в замке только *добрых христиан* (только католиков и преимущественно бывших слуг или потомков слуг графского рода) и лишить проживания в подвалах тех, кто не соответствовал задуманной сортировке; или, например, эпизоды, пронизанные глубоким сочувствием мальчика к несчастным, издевательство над которыми – обычное *жестокое развлечение скачущих обывателей* городка, вызывающее у них *довольный смех (До сих пор я помню, как весело грохотала улица, когда по ней проходила согнутая, унылая фигура старого Профессора...)*³. Значимы «сигналы припоминания» и в эпизоде объяснения Васи с отцом в последней главе «Кукла», когда так неожиданно

² Здесь и далее текст цит. по: Короленко В. Г. В дурном обществе. *Из детских воспоминаний моего приятеля* // Короленко В. Г. Указ. соч. С. 204–262.

³ Возможно, авторское нарушение сочетаемости – *проходила согнутая, унылая фигура старого Профессора* – подчеркивает маргинальность персонажа, личностные особенности Профессора и своеобразие его существования даже среди других «темных личностей».

появляется в их доме Тыбурций, принесший куклу, исчезновение которой и стало причиной напряженного разговора. Рассказчик замечает:

Я до сих пор *помню* малейшую черту этой сцены;

...я *помню* все детали этой сцены... *помню* даже, как за окном возились воробьи, а с речки доносился мерный плеск весел...

Основные события повести охватывают период от промозглой и слякотной ранней весны с холодными ливнями до поздней осени, когда умирает Маруся, а знакомство Васи с «детьми подземелья» приходится на летнюю пору, когда уже поспели яблоки. По ходу воспоминаний рассказчик иногда обращается и к более ранним событиям и периодам жизни (например, в предысториях героев или в рассказе о прошлом замка), а в главе 3 («Я и мой отец») Вася вспоминает о том времени, когда еще была жива матушка. Эта часть главы, по сути, ответ Васи на повторяющийся горестный вопрос отца: *Ты помнишь матушку?..* Правда, ответ звучит только как внутренний монолог героя, как рассуждения о безвозвратно утраченном счастье домашнего уюта, о неповторимых *розовых снах детства*. Прием экспрессивного повтора (четырежды *Помнил ли я ее? О да, я помнил ее! Я помнил... О да, я ее помнил!..* с некоторым изменением порядка следования компонентов), усиленный в четырех абзацах главы анафорой, подчеркивает в этом эпизоде всё отчаяние шестилетнего ребенка в *первую ночь сиротства* и то *страшное сознание горького одиночества*, которое он постоянно с тех пор ощущает. Может быть, именно собственная боль сделала Васю таким восприимчивым к чужой беде.

В тексте повести особенно значимы лексико-семантические поля «Жизнь», «Дом», «Семья», «Память», связанные в том числе и с реализацией в поэтике произведения приема антитезы. Среди ключевых можно выделить такие противопоставления, как *жизнь — смерть, жизнь — выживание, дом — бездомье*, в том числе *мир дома — уличный мир; семья — сиротство, любовь — ненависть, уважение — презрение*. Однако, наряду с ключевыми, отметим и такие противопоставления: *счастье — горе, надежда — отчаяние, взрослые — дети*, в том

числе *родители — дети, одиночество, отчуждение — значимое для человека общение и ощущение нужности кому-либо; здоровье — болезнь, сытость — голод, свет — тьма, сострадание — равнодушие, честность — продажность, нравственность — безнравственность, развитие личности — духовная деградация, красивое — безобразное* и др. При этом можно сказать, что наряду с традиционными для русской литературы антитезами морально-этического и духовно-нравственного плана в повести выявляются контекстуальные антитетические структуры: противопоставление двух кланов нищих, ставшее своего рода продолжением противопоставления развалин старого панского замка давно заброшенной мещанской униятской часовне с провалившейся крышей, а также противопоставление вольных просторов подземелью, где *среди серых камней* обосновались оставшиеся без дома и где вместо ясного света солнца и свежего воздуха царят угнетающий сумрак и затхлый запах.

Использование автором приема лексического повтора и повторной номинации [Николина 2003: 30–31; Бабенко, Казарин: 2006: 59–61] — интересная особенность языка повести «В дурном обществе». Повтор определяется В. Г. Гаком как «сознательное двукратное, а иногда и многократное формальное или семантическое воспроизведение одних и тех же, подобных или противоположных языковых единиц в той же или измененной последовательности в таких условиях, чтобы их можно было заметить (в составе одного предложения, абзаца или целого текста)» [Гак 1987: 25]. В отношении повести Короленко речь будет идти либо о лексическом повторе слов (в той же или другой форме) при полном семантическом тождестве, либо — при расширении понятия «повтор» от лексического к семантическому — о повторе, основанном на синонимических и антонимических связях единиц или на каком-либо ассоциативном варьировании. Отметим, что в новейших исследованиях повторы в языке художественного текста соотносятся с «теорией регулятивности»⁴ [Петрова 2010]: лексический повтор и повторная

⁴ См.: Болотнова Н. С. Регулятивность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 328–331.

номинация рассматриваются как «типы выдвигания», организующие читательскую деятельность, способные «управлять читательским восприятием и интерпретационной деятельностью... в соответствии с авторской интенцией» [Болотнова 2008].

В известной работе «Языковые преобразования» В. Г. Гак отмечал, что «разные обозначения одного и того же предмета в речи различаются по своей внутренней форме (или смыслу), то есть по тому признаку, который кладется в основу наименования», и, соответственно, одно и то же лицо, например, «может быть названо не только его собственным именем, но и на основании самых различных признаков», т. е. на основе характеристики внешности, возраста, профессиональной деятельности и т. п. [Гак 1998: 524]. В повести В. Г. Короленко это могут быть однословные или описательные средства номинации, составляющие в тексте произведения номинативный ряд как совокупность наименований одного и того же референта.

Так, в первой главе повести и несколько раз в последующих главах повторная номинация и лексический повтор используются для представления места действия: *местечко⁵ Князье-Вено, или Князь-городок — один из мелких городов Юго-Западного края — местечко — город и городок* (многократно на протяжении всего произведения) — *наш городишко — тихий родной город* (в последнем абзаце повести, накануне отъезда Васи и Сони). Хотя в данном номинативном ряду есть слова с исходным экспрессивно-синонимическим значением (с суффиксами субъективной оценки), которым присуща не только номинативная, но и экспрессивно-стилистическая функция, составляющие этой парадигмы в целом можно считать цепочкой семантических эквивалентов.

Справедливо это и в отношении использованных Короленко единиц

⁵ *Местечко* — в царское время тип населенного пункта в западной и юго-западной России, на Украине и в Белоруссии, представлявший собой нечто среднее между деревней и городом посад, который имел меньшее количество населения, чем в городах, и где основным занятием жителей была торговля или какое-то ремесло; а также часто это населенный пункт со значительной долей еврейского населения. Восходит к польскому *miasto* ('город').

с этнокультурным компонентом: *городок — местечко, униатская часовня — униатская каплицца⁶*.

Экспрессивно-стилистическая характеристика уныло-сонного города создается, во-первых, за счет включения в описание единиц с реальной или потенциальной негативной семантикой и с негативной оценкой (*вонь, грязь, серая пыль, лачуги, уныние; серые заборы, пустыри с кучами всякого хлама перемежаются с подслеповатыми, ушедшими в землю хатками* и др.). Во-вторых, в этих зарисовках персонажи и некоторые реалии окружающего мира (одушевленные и неодушевленные предметы) в ряде случаев получают характеристику при помощи одних и тех же имен прилагательных, которые, соответственно, являются то логическими определениями, то эпитетами (при одновременном использовании автором таких тропов, как олицетворение и сравнение): *сонные, заплешие, невешие пруды — Сонный инвалид... олицетворение безмятежной дремоты, лениво поднимает шлагбаум...; старый, полуразрушенный замок — старый граф — старая кляча; старое, дряхлое здание — старый деревянный мост — мост кряхтит, вздрагивая под колесами, и шатается, точно дряхлый старик; седобородый Януш — седые руины замка* и др.

Название первой главы — «Развалины» — превосходит рассказ о таинственном замке и заброшенной часовне, но здесь же слово *развалина* употреблено в разговорном переносном значении для характеристики графа:

Изредка *старый граф, такая же мрачная развалина, как и замок* на острове, появляется в городе на своей *старой* английской кляче...

Сравнительная конструкция и языковая игра на основе столкновения разных лексико-семантических вариантов многозначного слова усиливают мысль о том, что потомки гордого графа утратили былое величие и богатство, да и проживают они теперь (вернее, ведут *скудное, но всё же*

⁶ *Каплицца, капличка* [польск. *kaplica*] устар. религ. обл. Небольшая католическая часовня или божница, преимущественно у неправославных христиан (Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М.: Центрполиграф, 2008. 688 с.).

торжественное существование в презрительно-величавом уединении) не в роскошном замке, а в прозаическом белом здании, выстроенном подальше от города.

При повторной номинации Короленко использует как слова одной лексико-семантической группы и синонимические конструкции, так и единицы разных таксономических классов, перифрастические сочетания и метафорические характеристики. Примером может служить номинация развалин замка и старой часовни. В повести это и составляющие ландшафта городских окрестностей (*старый, полуразрушенный замок — это величавое дряхлое здание — старое замчище⁷ — страшный замок — жалкие останки гордого панского величия* и др.; *давно заброшенная униатская церковь — родная дочь расстилавшегося в долине собственно обывательского города — мещанская униатская часовня* и др.), и места обитания представителей двух разных сообществ обнищавших людей. В тексте подчеркивается, что замок и часовня теперь *трупы, но старая историческая рознь, разделявшая некогда гордый панский замок и мещанскую униатскую часовню, продолжалась и после их смерти: ее поддерживали копошившиеся в этих дряхлых трупах черви, занимавшие уцелевшие... подвалы. Этими могильными червями умерших зданий были люди...* Нельзя не отметить иносказательную образность и сильный художественный эффект характеристики, созданной на основе развернутой метафоры, причем исходная номинация в тексте (а речь идет о людях) оказывается в позиции по отношению к повторной номинации.

Сначала *старый замок служил даровым убежищем всякому бедняку без малейших ограничений*. Для описания тех, кто по каким-то причинам оказывался *среди развалин*, автор использует причастную форму фразеологизма *выскочить из колеи*

⁷ Вместо нормативного *старый замчище* с существительным муж. рода (замок + суффикс субъективной оценки с увеличительным значением) в тексте использовано согласование по аналогии с существительными ср. рода типа *страшное чудовище — старое замчище*.

с синонимической заменой узуального глагольного компонента (*выбиться — выско-чить*), а также намеренно игнорируя категориальный признак одушевленности при построении субстантивного местоименно-соотносительного сложноподчиненного предложения (определятельное местоимение *всё* + союзное слово *что* вместо нормативного *все* + *кто*):

Всё, что не находило себе места в городе, *всякое выскочившее из колеи существование... — всё это* тянулось на остров... «Живет в замке» — эта фраза стала выражением крайней степени нищеты и гражданского падения...

В прошлом замок долгое время *сердито и презрительно закрывался от часовни густою зеленью или кидал на часовню угрюмые взгляды*, видя в ней неровно себе, но люди, как оказалось, могут в своем противостоянии пойти дальше. После «сортировки» населения замка старым Янушем (повторная номинация события в этом случае способствует формированию явно иронической оценки: *преобразования Януша — разделение среди этого общества — раздоры — отделение овец от козлиц⁸ — переворот, имевший решительно аристократический характер — эта революция*) прежнее единое сообщество (*всякие бедняки, перекатная голь, безродные бродяги, сиротливые старушки* и пр., на которых маленький Вася сначала смотрел даже с каким-то уважением в силу их причастности к таинственным развалинам замка) разделилось на две далеко не равнозначные в глазах жителей города группы.

С одной стороны, это *однородный, тесно сплоченный аристократический кружок, взявший... монополию признанного нищенства*, это поддерживаемые городом так называемые *аристократические нищие* (как бы комично это ни звучало, даже если иметь в виду не исходное значение слова *аристократический*, а вторичное:

Прил. к аристократия (в 1 знач.). *Аристократическое общество...*

⁸ Ср.: *отделить овец [агнцев] от козлиц [от козлов]* — устар. книжн. Отделить хорошее от плохого, полезное от вредного. (Мф 25:32).

Свойственный аристократу; изысканный, утонченный. [Павла Петровича] уважали за его отличные, аристократические манеры. Тургенев, Отцы и дети...⁹

Януш утверждает, что в замке теперь обитает вполне **порядочное общество** и даже **аристократическое общество**, однако при описании персонажей, представляющих торжествующую партию Януша, подчеркивается их непривлекательный и отталкивающий вид: старики с громадными синими носами; крикливые и безобразные старухи; целая армия красноносых стариков и безобразных мегер и др.

При этом нейтральное описание самого Януша меняется по ходу развития сюжета на саркастическую и сугубо нелицеприятную характеристику: **старый, седебородый Януш — семидесятилетний старик — старый Януш, бывший некогда одним из мелких графских «официалистов»** (одним из мелких чиновников) — **бард замка** (открывшийся Васе «в новом свете» после сортировки нищих) — **старый сплетник** (по мнению отца Васи) — **старый филин из замка** (по мнению Васи) — **проклятая старая гиена** (по мнению Тыбурция)¹⁰.

Новое **демократическое общество** нищих — это горемыки, изгнанные из замка в никуда и, как выяснится позже,

нашедшие приют в подземельях униатской часовни (*Город их не признавал, да они и не просили признания...*).

Сердце рассказчика явно преисполнено сострадания к людям, которых в непогоду лишили привычного угла в подвалах старого замка. Это понятно не только из открытого выражения сочувствия к изгнанникам (*...я не мог забыть холодной жестокости, с которою торжествующие жильцы замка гнали своих несчастных сожителей, а при воспоминании о темных личностях, оставшихся без крова, у меня сжималось сердце*), но и из выбора способов номинации персонажей. Уже в эпизоде «отлучения» от подвалов замка для Васи все *подлежащие изгнанию жильцы* — это *несчастные темные личности, испуганные, жалкие и сконфуженные*, которые были *оттерты счастливыми из замка от благ местной филантропии*, и далее рассказчик будет стараться смягчить характеристики этих персонажей, делая некоторые шутивными и прежде всего подчеркивая бедственное положение героев: *бездомные скитальцы — люди, которым голодно и холодно, которые дрожат и мокнут — десятки людей, лишенных тепла и приюта — оборванная и темная толпа несчастливцев — разнообразные фигуры — эти фигуры — несчастные изгнанники*, которые *не нашли в городе своей колеи*¹¹ (а после переселения в подземелья старой каплицы это *дружное сообщество*). Здесь в характеристике персонажей преобладают описательные синонимические средства номинации (в том числе это и синтаксическая синонимия), в составе которых в ряде случаев присутствуют оценочные единицы, а также используются сочетания

⁹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А–Й / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981. С. 44 (МАС).

¹⁰ Хотя в русском языке *филин* (хищная ночная птица из отряда сов) и *гиена* (хищное млекопитающее, питающееся преимущественно падалью и ведущее ночной образ жизни) — моносеманты (в латинском *гиена* в переносном значении — «жадный и коварный человек»), эти слова обладают негативной коннотацией не только за счет семантических признаков ‘хищник’ и ‘опасность’, но и за счет ассоциаций, связанных с издаваемыми ими неприятными и пугающими человека звуками. Так, у В. И. Даля: «*Филин да ворон зловещие птицы, крик их к несчастью*» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4: Р–V. М.: Русский язык, 1991. С. 534); «*Крик филина — довольно низко звучащее “уху-уху”, прерываемое необыкновенно диким хохотом, — жутко раздается в темноте леса*. С. Огнев. Жизнь леса» (МАС. Т. 4: С–Я. М.: Русский язык, 1984. С. 564); ср. также: *смех гиены, вой гиены*.

¹¹ *Не нашли своей колеи* — авторский фразеологизм, представляющий собой контаминацию узусальных фразеологических единиц *войти [попасть] в колею — выбиться [выйти] из колеи и найти себя / (найти / найдется) место под солнцем* во втором значении (как ‘право на существование’). Интересно отметить, что, когда *изгнанники из замка*, эти *бездомные скитальцы, куда-то схлынули*, писатель, характеризуя обстановку в городе, замечает: *Жизнь города, сонная и однообразная, пошла своего колеей... Только несчастные изгнанники не нашли и теперь в городе своей колеи*. Это усиливает мысль об абсолютном отчуждении между жителями города и *демократическими нищими*.

с обобщенными наименованиями (*люди, фигуры*), в том числе с местоименным актуализатором *этом*.

Хотя многое в укладе жизни, в поступках этих несчастных непонятно и даже неприемлемо для повествователя, он явно настаивает на их защите еще до знакомства с «детьми подземелья»:

Эти фигуры нисколько не походили на аристократических нищих из замка... Притом, как это встречается нередко, среди этой оборванной и темной толпы несчастливцев встречались лица, которые по уму и талантам могли бы сделать честь избраннейшему обществу замка, но они не ужились в нем и предпочли демократическое общество униатской часовни. Некоторые из этих фигур были отмечены чертами глубокого трагизма...

Именно трагизм существования выходит для Васи на первый план в жизненных историях спившегося чиновника Лавровского, старого Профессора, пана Туркевича и пана Драба. В тексте отмечается, что, *кроме выделявшихся из ряда личностей, окола часовни ютилась еще темная масса жалких оборванцев и что вся эта орда темных бродяг, самые невероятные и подозрительные фигуры, эти жалкие личности* — все они, безусловно, *нищие и воры*, но глава, посвященная им, названа более чем корректно, с определенной долей юмора и снисходительности — «*Проблематические натуры*», т. е. повторная номинация в ряде случаев направлена на смягчение отрицательного денотата и даже на реализацию эвфемистической функции.

Самая замечательная личность из всех проблематических натур, не ужившихся в старом замке, — Тыбурций Драб, и никто, кроме него, по мнению рассказчика, не мог быть руководителем образовавшегося демократического общества, обосновавшегося на горе в подземелье старой каплицы. Но для Януша, захватившего бразды правления в подвалах панского замка, это однозначно дурное общество, как он говорит, встречая Васю в свите пана Туркевича или среди слушателей пана Драба (Плохой, молодой человек, — вы в дурном обществе!.. Жаль, очень жаль сына почтенных родителей, который не щадит семейной чести...).

Таким образом, оппозиция *аристократическое общество — демократическое общество* после целого ряда со- и противопоставлений

двух кланов нищих усиливается в главе 3 за счет закрепления за обитателями подземелья характеристики *дурное общество*. Понятно, что фигуры изгоев из подземелья враждебны миру города, но *проблематические натуры* оказываются отверженными и себе подобными, получив своего рода клеймо *дурное общество* в противоположность *порядочному обществу*.

Словосочетание *дурное общество*¹² присутствует в заглавии и повторяется в тексте 9 раз: впервые в главе 3 и далее в каждой главе и в заключении, что позволяет считать его семантической доминантой, значимой в разных сюжетных линиях. Но имеет ли это словосочетание постоянное, неизменное значение в произведении?

Сначала это чисто информативное представление-оценка обитателей подземелья старой каплицы, когда рассказчик приводит слова Януша и при следующем упоминании даже закавычивает их, подчеркивая, что подобная характеристика — вовсе не его мнение. Далее следует актуализация этой характеристики, основанная уже на личностном отношении Васи к тем или иным персонажам и направленная в определенной степени на отрицание негативной оценки клана нищих из подземелья, в которых с подачи Януша жители городка готовы видеть *дурное общество*. Такая оценка принимается, по сути, и самими членами этого клана, осознающими, что они люди низкого социального статуса (не случайно Валеку при знакомстве с Васей говорит: *Я тебе не компания; правда, Васю слова Валека удивляют, он чистосердечно не понимает, почему они не могут продолжить знакомство и играть вместе*).

События, однако, развиваются так, что Вася становится *на горе своим человеком* (т. е. становится в какой-то мере частью этого общества), получив разрешение от Тыбурция на общение с Валеком и Марусей

¹² Дурной... 1. Плохой, скверный по качеству, вызывающий самую отрицательную оценку (о предметах, явлениях). *Дурной почерк... Дурное питание... // Грубый, неприятный для окружающих (о вкусе, манерах и т. п.). Дурной характер. Дурное воспитание. Дурные манеры.* 2. Плохой, скверный в моральном отношении; предсудительный, безнравственный. *Дурной поступок. Дурные примеры заразительны...* (МАС. Т. 1: А—Й. С. 454).

(*Теперь я мог придти на гору, не стесняясь тем, что члены дурного общества бывали дома; ...я окончательно сжился с дурным обществом, грустная улыбка Маруси стала мне почти так же дорога, как улыбка сестры*). А самое главное – и это парадокс! – герои, представляющие в повести социальное «дно» и бездомье, заботливо *пригрели* Васю, смогли дать ему то, чего после смерти матушки он не имел в родном доме. В подземелье мальчик получает больше внимания и тепла, чем в своей семье. Кроме того, Вася понимает свою нужность друзьям (*тут я был нужен*), но ведь и для него самого этот период жизни оказался нужен и важен, поскольку герой открывает для себя какие-то новые истины, узнает о том, почему его отец пользуется уважением даже у бродяг и воров (представители этого *дурного общества*, оказывается, видят в судьбе одного из самых порядочных и честнейших людей в городе!).

Хотя Вася дрожит при мысли, что отец когда-либо узнает о его знакомстве с *дурным обществом*, изменить этому обществу, изменить *Валеку и Марусе* он не в состоянии. Замечая, что не может припомнить ни одного случая, когда кто-либо в подземелье обратился бы к нему с *каким-нибудь дурным предложением*, рассказчик одновременно признает, что детство и юность – это великие источники идеализма и что по прошествии лет, умудренный *прозаическим опытом жизни*, он понимает: там были пороки и гниль. Но все равно в его восприятии на первом плане *глубокое горе и нужда* этих несчастных и то хорошее, доброе, что в них есть.

В последней главе пан Тыбурций в разговоре с отцом Васи скажет: *Малый был в дурном обществе, но, видит бог, он не сделал дурного дела...* И с этим в итоге согласится даже строгий и суровый Васин отец, который, по мнению Тыбурция, *самый лучший из всех судей* и человек, у которого *есть сердце*.

На основе приема «чистого детского зрения» Короленко через образ Васи дает истинную оценку человеческих качеств персонажей, утверждая, что намного важнее то, каков человек по натуре, по сути своей, а не его социальный статус. Повествование построено так, что читательское сочувствие вызывают и «дети подземелья», и Тыбурций, и некоторые из

«проблематических» личностей, и, наоборот, негодование вызывают фальшь и непорядочность в поведении старого Януша, а также жестокость и равнодушие жителей города по отношению к голодным и несчастным, по каким-то причинам *выскачившим из колеи*. Становится понятным, что именование общества, обосновавшегося в подземелье, *дурным* – это своего рода предрассудки, что *дурное общество* (в том числе и в заглавии повести) есть характеристика-оценка, которая дана автором обществу в целом – обществу, принимающему страшное социальное неравенство как должное, как норму. *Дурное* – это об обществе, допускающем такое положение дел, когда у людей, в том числе у детей, нет дома и средств к существованию, когда болеют и умирают дети, когда нет возможности противостоять духовной деградации, поскольку нищета – она не только материальная, но и духовная (*Скучно здесь* – не просто так говорит смысленный Валек!), и нет надежды изменить эту жизнь.

Когда Тыбурций предполагает, что Вася со временем станет судьей, подобно отцу, то дает такое объяснение:

Это уж, брат, *так ведется исстари*. Вот видишь: я – Тыбурций, а он – Валек. Я нищий, и он – нищий. Я, если уж говорить откровенно, краду, и он будет красть... *Эта история ведется исстари*, всякому свое, *suum cuique*; *каждый идет своей дорожкой*, и кто знает ... может быть, хорошо, что *твоя дорога пролегла через нашу...*

Прием антитезы, лексический повтор, синтаксический параллелизм и дериваты *дорожка* в составе преобразованного фразеологизма и *дорога* в переносном значении (как ‘жизненный путь’) усиливают мысль о том, что Валек, вероятнее всего, повторит судьбу Тыбурция (узвальное значение фразеологизма *идти своей дорогой [лутем]* – «Действовать самостоятельно, не поддаваясь чужому влиянию» – отрицается содержанием утверждений пана Драба: у Валека как раз нет возможности выбора жизненного пути, и его, по мнению Тыбурция, ждет не *дорога*, а только *дорожка*, т. е. судьба нищего и вора). Пан Драб просит Васю не забыть слова *философа Тыбурция* в том случае, если во взрослой жизни ему когда-нибудь все-таки придется судить Валека:

...вспомни, что еще в то время, когда вы оба были дураками и играли вместе, — что *уже тогда ты шел по дороге, по которой ходят в штанах и с запасом провизии, а он бежал по своей оборванцем-беситанником и с пустым брюхом...*

Таким образом, мотив дороги, столь характерный для многих произведений Короленко, в повести «В дурном обществе» имеет для героев разное преломление. Васю впереди ожидает явно позитивный, яркий жизненный путь. Последние строки заключения говорят о том, что он и сестра на пороге *крылатой и честной юности*. А что ждет Валека и Тыбурция, которые *совершенно неожиданно исчезли из города?* В заключении упоминается, что *никто не мог сказать, куда они направились теперь, как никто не знал, откуда они пришли в город*. Синтаксический параллелизм при построении этого многочленного сложноподчиненного предложения, антонимия в изыскательных придаточных (*куда направились теперь — откуда пришли в наш город [т. е. раньше]*) и определенная синонимия предикатов, характерная для придаточных со значением реального сравнения (*никто не мог сказать — никто не знал*), способствуют утверждению мысли о том, что круг замкнулся, но за этой «закольцованностью» и только формальной неизвестностью стоит безысходность и (скорее всего) неизбежность повторения Валеком пути всех оказавшихся «на дне». И противостоять подобному не может даже Тыбурций при всей его *поразительной учености*.

С образом Тыбурция Драба связан в произведении весьма разноплановый номинативный ряд (или, по определению С. С. Гусевой, нарративный ряд [Гусева 2015: 71]), поскольку в тексте содержится не только информативно-описательная и ситуативная характеристика героя, но и экспрессивно-оценочная (кстати, при создании образа Тыбурция используется целый ряд книжных слов, что подчеркивает его особое положение в системе персонажей): *веселый оратор городских кабаков, уличный оратор и декламатор*, ввиду своей необъяснимой *феноменальной учености* талантливо развлекающий публику в базарные дни речами Цицерона или целыми главами из Ксенофонта — *гаер, потешавший публику из-за подачки — этот чудак — этот урод* (он действительно некрасив, в его облике

есть что-то обезьянье) — *странный человек* (по мнению Васи) — человек, который *всё знает* (по мнению Валека и Маруси) — *философ Тыбурций* (самохарактеристика персонажа). Но в подземелье Вася увидит Тыбурция другим: это был уже не *гаер*, а сильно уставший за день *хозяин и глава семейства*, отвечающий за всех своих домочадцев; во всей его фигуре *виделось тяжёлое утомление*. Для Васи это словно *взгляд за кулисы на актёра, изнеможенно отдыхавшего после тяжёлой роли, которую он разыгрывал на житейской сцене*. Повествователь признает, что *это одно из тех откровений, какими так щедро наделяла его старая униатская каплица*.

Происхождение Драба было покрыто мраком самой таинственной неизвестности (авторское расширение узального состава фразеологизма), что опять же придает ему таинственности и позволяет некоторым городским обывателям предполагать, будто бы у него есть *аристократическое имя* (хотя *наружность пана Тыбурция не имела в себе ни одной аристократической черты*); неизвестно, почему Тыбурций оказался среди нищих (герой говорит, что в прошлом у него с законом вышла... *неожиданная ссора... очень это была крупная ссора*); а *вследствие окружавшей Тыбурция тайны* в городе даже верят, что он обладает колдовским искусством и умеет изгонять с полей зловещих филинов-пугачей.

Создавая психологический портрет пана Драба, автор подчеркивает, что всё в его облике говорило о *бремени вынесенных несчастий*. На его лице *сменялся целый калейдоскоп гримас, но глаза сохраняли постоянно одно выражение... Под ним как будто струилась глубокая неустанная печаль*. И хотя Вася замечает, что он порой не понимает *странные речи странного человека*, мальчик видит, с какой искренней теплотой, с какой любовью относится Тыбурций к Валеку и Марусе (в то время как о родном отце он думает совсем иначе: *никогда этот человек не любил и не полюбит меня так, как Тыбурций любит своих детей*). И если на улицах города многое в представителях *дурного общества* Васю сначала забавляло как интересное *балаганное представление*, то в подземелье, где все эти персонажи были у себя дома, они постепенно открывались ему *в своем настоящем, неприкрашенном виде*.

И в этом смысле образ Тыбурция — боль Короленко за человека, у которого высокие человеческие качества и феноменальные способности оказались в диком противоречии с реальной судьбой изгоя.

Показателем особого единения Васи с новыми друзьями и осознания своей нужности в подземелье служит использование в повествовании притяжательных местоимений. Став в подземелье *своим человеком* и при этом понимая, что *воровать нехорошо* и что *со всем этим соединяется презрение*, Вася, переживая до слез, до боли, замечает, пытается объяснить странную ситуацию самому себе и принять позицию друзей: *я инстинктивно защищал мою привязанность*. И если Марусе и Валеку было хорошо, он *радовался ее радостью и радостью Валека*. И сестра Валека для Васи уже *наша Маруся*, а в Валеке он видит и друга, и брата. Вот почему герой повести готов разделить с «детьми подземелья» все свои игрушки и сладости и решает порадовать девочку куклой сестры, когда осенью болезнь отнимает у Маруси последние силы.

При создании образа Маруси особую роль играют слова-деминутивы¹³, единицы синонимического ряда с доминантой *маленький* (*белокурая головка, грязное личико, маленькие ручонки, крохотная ручонка, крохотная грустная фигурка*), а также слова, в структуре значения которых присутствуют семы ‘болезненность’, ‘отсутствие жизненных сил’, ‘ущербность’, и сравнительные конструкции, подчеркивающие особенности ее внешнего облика и поведения и усиливающие мысль об обреченности девочки: *Это было бледное, крошечное создание, напоминавшее цветок, выросший без лучей солнца*; ей четыре года, но она всё еще плохо ходит, *неуверенно ступая кривыми ножками и шатаясь, как былинка*; ее *головка покачивалась на тонкой шее, как головка полевого колокольчика*. В отличие от сдержанного *солидного* Валека с *манерами взрослого человека*, Маруся принимает *приношения* Васи радостно, *всплескивая ручонками, с огоньком восторга* в глазах. Но смеялась она очень редко, и *смех ее звучал, как*

¹³ Деминутивы — слова с субъективно-оценочным значением, в морфемной структуре которых присутствуют уменьшительные или уменьшительно-ласкательные аффиксы. Термин используется и с написанием *дими́нүтивы*.

самый маленький серебряный колокольчик, которого на десять шагов уже не слышно. Конечно, автор воспоминаний знал, каким будет развитие событий и трагический финал, но и читатели осознают обреченность Маруси. К тому же Вася сравнивает девочку с умершей матушкой (*ее улыбка так напоминала мне мою мать в последние дни*). Маруся не любит подвижные детские игры, где нужно бегать, не понимает азарта веселой игры и может в такой ситуации заплакать (наверное, от осознания своего бессилья).

Повторная номинация при описании подземелья усиливает мысль о тяжелых условиях жизни детей в подвалах, где мало света, а *больше сырости и мрака* (самому Васе тяжело в этом мрачном месте с затхлым воздухом, ему хочется побыстрее оказаться наверху, на воздухе). Причина болезненного состояния Маруси не только в том, что дети часто голодают, но и в том, что они вынуждены подолгу находиться *среди серых камней*. Вася пытается понять *горькую правду* о болезни Маруси и страшную загадку *серого камня*:

Что-то бесформенное, неумолимое, твердое и жестокое, как камень, склонялось над маленькой головкой, высасывая из нее румянец, блеск глаз и живость.

Он даже ощущает *гнетущие взгляды серого камня, невидимый каменный взгляд, пристальный и жадный*, будто *подземелье чутко сторожит свою жертву; страшный серый камень высасывает жизнь из этой странной девочки*, это *что-то неведомо-страшное; серый камень — темное молчаливое чудовище подземелья — продолжал без перерывов свою ужасную работу, высасывая жизнь из маленького тельца*. Сочетания с неопределенным местоимением и тропы, создаваемые на основе единиц с негативной семантикой, а также лексический повтор с целью эффекта градации передают всю силу страшного, неотвратимого воздействия на Марусю *серого камня*, обрекающего девочку на смерть. Пейзажные вкрапления (*осень всё больше вступала в свои права*, но иногда еще возвращаются солнечные дни в преддверии долгой зимы) подчеркивают состояние Маруси. И хотя Сонина кукла (*первая и последняя радость* в недолгой жизни Маруси) *сделала почти чудо*, подняв на некоторое время

ослабевшую девочку на ноги и даже вызвав звонкий смех (*Маруся, которая увядала, как цветок осенью, казалось, вдруг опять ожила*), это только *почти чудо*, немного продлившее жизнь ребенка, и это только *казалось* сердобольному Васе (заметим, что и при создании образа Васи имеет место «переключка» с жизнью природы: **Небо всё чаще заволакивалось тучами...** — *Между тем и над моей головой стали собираться тучи...* — с обыгрыванием прямого значения в пейзажной зарисовке и обобщенно-переносного фразеологического значения).

Образ Васи, центральный в повести, раскрывается на протяжении всего произведения в двойственном ключе, поскольку во многих эпизодах книги герой показан вне той социальной среды, в которой вырос и где получил определенные морально-нравственные ориентиры (в исследованиях, посвященных творчеству В. Г. Короленко, не раз отмечалось, что его герои не вмещаются в рамки своей среды, «выламываются» из нее), — отсюда и мучительное переосмысление привычных истин, переданное во внутренних монологах юного героя, которому в одиночку приходится понимать трудные и горькие жизненные вопросы, поскольку отец — действительно замечательный человек и неподкупный судья — из-за отчаяния после смерти жены устранился от общения с сыном (*Он слишком любил ее, когда она была жива, не замечая меня из-за своего счастья. Теперь меня закрывало от него тяжелое горе...*).

Вася высказывает сожаление и недоумение по поводу разлада с отцом, замечая, что отец не имел на него *ни малейшего влияния: между нами стоит непреодолимая стена*. И далее: *мало-малу пропасть, нас разделявшая, становилась всё шире и глубже*. Мысль об усилении отчуждения между отцом и сыном выражена предикатом с прилагательными в сравнительной степени с усилительной частицей *всё* и на основе традиционных метафорических конструкций с лексемами *стена* (*перен.* То, что невозможно преодолеть, осилить¹⁴; причём словосочетание *непреодолимая стена* — расхожий плеоназм с дублированием

значения, в данном контексте, возможно, наделенный особым стилистическим заданием) и *пропасть* (*перен.* Глубокое, полностью разделяющее кого-н. расхождение в чем-н.¹⁵; т. е. сема 'значительная степень проявления' изменяется на 'наивысшее, максимальное проявление').

Номинативный ряд единиц, характеризующих Васю, пополняется на протяжении всего произведения и состоит из самохарактеристик героя-повествователя и из тех оценок, которые он получает от других персонажей, принадлежащих к разным социальным слоям, а потому семантическая информация здесь весьма противоречива: *сын почтенных родителей, который не щадит семейной чести* (Януш) — *большой сорванец, бродяга, негодный мальчишка* (общее, по утверждению повествователя, мнение) — *дурной, испорченный мальчишка, с черствым эгоистическим сердцем* (мнение, которое, как считает Вася, сложилось о нем у отца) — *отпетый маленький разбойник* (мнение Сониных нянюшек) — *уличный мальчишка и бродяга — славный хлопец* (мнение Валека) — *порядочный малый, настоящий уличник, хоть и судья — мой маленький друг* (характеристика от пана Тыбурция) и др.

Всего несколько раз повествователь называет себя *ребенком* и *маленьким мальчиком*, каковым на самом деле в ту пору он и являлся. Но подобная номинация имеет место только в эпизодах, в которых рядом с Васей присутствует отец: в главе 3, когда Вася предполагает, что они с отцом — *ребенок и суровый мужчина* — могли бы поддерживать друг друга в их общем горе; и в последней главе, когда Тыбурций возвращает Сонину куклу, а отец после разговора с паном Драбом начинает видеть в Васе *родного сына, родного мальчика*, понимая, как сильно перед ним виноват.

Если продолжить номинативный ряд, связанный с характеристикой-оценкой Васи, то мы могли бы отметить, что он надежный и преданный друг, что, делая какие-то выводы в самых противоречивых жизненных ситуациях, он старается в первую очередь думать не о себе, а о других, проявляя не только

¹⁴ См.: Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/стена> (дата обращения: 10.04.2023).

¹⁵ См.: Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/пропасть> (дата обращения: 10.04.2023).

детскую чистоту восприятия и некоторую наивность в силу возраста, но и интуитивную деликатность и искреннее сострадание.

Отметим также, что номинативный ряд главного героя дополняется в разных частях повести самохарактеристиками на основе сравнительных конструкций (предикативных и непредикативных): *Я рос, как дикое дерево в поле, — никто не окружал меня особенной заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы; Я прокрадывался по саду, как молодой волчонок, избегая встречи с отцом...; когда ворчливые няньки всячески пытаются уберечь Соню от общения с братом (отпетым разбойником!), Вася сравнивает себя с хищным коршуном, а сестру — с маленьким цыпленком; Я притерпелся к упрекам и выносил их, как выносил внезапно налетавший дождь или солнечный зной... Приведенные примеры, с одной стороны, усиливают мысль об одиночестве мальчика, а с другой — подчеркивают положительные стороны его натуры, его жизнелюбие и доброе чувство юмора.*

Сравнительные конструкции, отражающие мировосприятие Васи и основанные на мальчишеском жизненном опыте, придают повествованию особую живость, наглядность и изобразительность. Например, когда в городке появлялись старый граф с дочерью, *ребятишки, как стая птиц, снимались с мягкой уличной пыли и, быстро рассеявшись по дворам, испуганно-любопытными глазами следили за мрачными владельцами страшного замка.* Когда Вася решает изучить часовню на униатской горе, *то сначала, как пугливый зверек, осматривает ее с разных сторон, задумывая предстоящую экскурсию.* Когда струхнувшие приятели во время этой *экскурсии* оставляют его одного в старой часовне, Вася признается, что испытывает чувство, которое *нельзя даже назвать страхом: Я был на том свете... Я был один, точно в гробу...* Изгоняемые из подвалов нищие напоминают Васе кротов: *они совались по острову, точно кроты, выгнанные из нор мальчишками, стараясь вновь шмыгнуть в какое-нибудь из отверстий замка.* Сравнивая Марусю с сестрой, Вася подмечает, что *Соня была кругла, как пышка, и упрудая, как мячик,* и это сопоставление сильнее подчеркивает болезненность Маруси, девочки из подполья, ее голодное и горестное детство и обделенность судьбой.

У Васи детски любопытные глаза, он прекрасно чувствует и понимает мир природы. Герой в состоянии заметить, что *город утонул в лилово-туманной тени,* но верхушки тополей еще выделяются *червонным золотом* в лучах заката, а *над замком зарисовался тонкий серп луны.* Ему нравится *встречать пробуждение природы,* вставая чуть свет и *прокладывая росистый след в густой, высокой траве сада.* Вася знает по именам многие растения и может полюбоваться каплями росы, которые *падают с верхушек трясунок,* когда он утром пробирается к загородной роще.

Интересно переданы в тексте истоки его бродяжничества (*...с тех пор как умерла моя мать, а суровое лицо отца стало еще зрелее, меня очень редко видели дома*). Когда в домашнем саду всё уже было ему знакомо и приелся *ленивый шепот яблонь и глупый стук ножей на кухне (!),* когда Васе *стало тесно в доме и в садике,* он смело отправился познавать неизведанное с каким-то *странным предчувствием, предвкушением жизни.* Вася вспоминает:

Впечатление за впечатлением ложились на душу яркими пятнами... Не раз останавливался я с болезненным испугом перед картинами жизни... Я узнал и увидел много такого, что не видели дети значительно старше меня...

Так сын известного в городе человека стал вести жизнь бродяжки, заслужив от Тыбурция уже упоминавшуюся характеристику: *настоящий уличник, хоть и судьба.* При этом читатель верит воспоминаниям Васи и соглашается именно с его точкой зрения.

Понятно, что слог героя-повествователя в художественном тексте приводит нас к вопросу о языке и стиле произведений В. Г. Короленко в целом. И здесь хотелось бы вспомнить исследование Д. А. Завельской «Смысловое и художественное единство текста в произведениях В. Г. Короленко»¹⁶ (теоретические положения работы подкрепляются сравнительным анализом повести «Слепой музыкант» и новеллы «Башня мрака» испанской писательницы Кармен Конде). Д. А. Завельская рассматривает метафоризм на различных уровнях

¹⁶ Завельская Д. А. Смысловое и художественное единство текста в произведениях В. Г. Короленко: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 187 с.

текста (метафору как изобразительную деталь и троп, как развернутый образ, метафору в развитии сюжета, а итог произведения как развитие объемной метафоры), считая метафоризм и парадоксализм яркими особенностями художественного мышления писателя. В повести «В дурном обществе» по-своему обыгрывается семантика заглавия, парадоксально переплетаются мир дома и бездомье, а главный герой характеризуется двойственностью социального поведения. «Диссонансы и противоречия» проявляются в повести и во взаимоотношениях Васи с отцом: как отец не знал собственного сына до разговора с Тыбурцием, так и Вася по-настоящему не знал отца или не придавал значения тому, что было ему об отце известно. И только от новых друзей он узнал, что в его отце видят одного из самых честных и неподкупных людей в городе (*Валек указал мне на моего отца с такой стороны, с какой мне никогда не приходило в голову взглянуть на него: слова Валека задели в моем сердце струну сыновней гордости; мне было приятно слушать похвалу моему отцу, да еще от имени Тыбурция, который «всё знает»...*).

Глава «Кукла», в которой говорится о последних днях жизни Маруси, объяснении Васи с отцом и разговоре отца с Тыбурцием, насыщена коннотативной лексикой, подчеркивающей трагизм ситуации в подземелье, напряженность яростного диалога отца и сына и начало нового периода в их отношениях. Хотя Вася ждал от отца вопроса об унесенной из дома кукле сестры (а это был подарок матери), он замечает: *Эти слова вдруг упали на меня так отчетливо и резко, что я вздрогнул*. Он чувствует на себе *тяжелый, неподвижный, подавляющий взгляд отца*, готового обвинять и судить мальчика, и Вася замечает, что объяснение с отцом — это своего рода столкновение двух сильных характеров (*во мне сказался характер моего отца*). В душе мальчика переплетаются *гнев и любовь (оскорбленное чувство покинутого ребенка, пламенная ненависть к отцу* и, как сказано далее, одновременно огромная к нему любовь, но при этом еще и *жгучая любовь к людям, которые пригнали его в старой часовне*). Вася не выдает друзей, а благополучным исходом объяснения и своим примирением отец и сын обязаны Тыбурцию. (Правда, Васе показалось, что *на мгновение*

в зеленых глазах, в широком и некрасивом лице уличного оратора мелькнула холодная и злорадная насмешка, но это было только на мгновение. Наверное, именно поэтому из всего номинативного ряда Тыбурция Вася использует здесь ту характеристику-оценку, которая связана с улично-балаганским миром, а не с подземельем.)

Рассматривая своеобразие языковой и стилистической манеры В. Г. Короленко, можно отметить, что частотным на протяжении всей повести «В дурном обществе» является использование оценочных единиц, передающих эмоциональное отношение повествователя к предмету сообщения (*крайняя степень нищеты и гражданского падения; безобразные мегеры; изорванные донельзя лохмотья; замок стал мне противен* и др.), а также слов и словосочетаний со значением сильного проявления чувств, эмоций, внутренних установок персонажей, особенно при создании образа Васи и при характеристике отца (*припадки панического ужаса; холодная жестокость; становилось жутко; черты глубокого трагизма; любил страстно; глубокая тоска; глубокая боль; невыразимая мука; суровая печать неизлечимого горя; горькое одиночество; ужас одиночества; нестерпимая душевная мука; острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли; клокотавшее в груди бешенство; пламенная ненависть* [хотя, как правило, сочетаемость иная: *пламенная любовь и жгучая ненависть*] и др.), причем часто такие характеристики у Короленко представляют собой метафору или строятся на основе сравнения (*слезы прожигали горячими струями мои щеки; мое сердце загоралось жалостью и сочувствием; дрогнула в моем сердце нота щемящей любви; любовь хлынула целым потоком в мое сердце* и др.). Это, безусловно, связано и с сюжетом произведения, и с личностью повествователя.

Особой частотностью употребления в тексте повести характеризуются слова *любить* и *любовь*. И это понятно, ведь на протяжении произведения герой страдает от того, что смерть матушки лишила его сразу двух родителей и что отец не любит его так, как любит своих детей Тыбурций. И только в последней главе Вася увидит отца рядом с собой: *Теперь передо мной стоял другой человек, но в этом именно человеке я нашел что-то родное, чего тщетно искал*

в нем прежде... (антонимические пары *теперь—прежде* и *искал—нашел* словно подводят итог всему пережитому Васей за это трудное для них с отцом время).

Выводы. Итак, проведенный анализ позволяет утверждать, что контраст — основа поэтики повести В. Г. Короленко «В дурном обществе». Контраст реализуется на разных уровнях словесно-художественной структуры произведения, проявляясь в его сюжетно-композиционной организации, в системе образов, а также в семантическом пространстве текста, где значима система антитез *дом—бездомье*, *семья—сиротство*, *любовь—ненависть*, *жизнь—смерть*, *уважение—презрение*, *сытость—голод* и др., причем составляющие многих антитез — это лексические доминанты повести, т. е. ключевые слова произведения.

Поэтика контраста в повести создается средствами разных языковых уровней, но прежде всего, конечно, единицами лексического яруса на основе лексической антонимии.

Контраст играет роль текстообразующего средства и служит для художественного отражения в произведении противоречий действительности, передачи сложности отношений между отцом и сыном, проявления эмоций и чувств персонажей, а также для характеристики главного героя, показанного в двойственном ключе: *сын судьбы — уличный бродяжка*, ставший *своим в дурном обществе*.

Анализ семантики заглавия и его «семантического радиуса в тексте» [Бабенко, Казарин 2004: 60] связан с такими антитезами, как *дурное общество — порядочное общество*, *дурное общество — аристократическое общество*, а также с противопоставлением мест обитания нищих двух разных кланов; семантический повтор является здесь актуализатором заглавия, причем на протяжении повести меняется значение повторяющейся характеристики *дурное общество*.

Многофункциональными выступают в тексте разного рода повторы: это прямой экспрессивный повтор какой-либо единицы языка (например, многократный повтор слов и словосочетаний при описании жизни в подземелье *среди серых камней: серый камень, каменный взгляд, высасывать* [жизнь, румянец, живость]); повтор

на основании синонимических и антонимических отношений (*старый — дряхлый, часовня — каплица, стена — пропасть* [в отношениях], *аристократическое общество — демократическое общество* и др.); однокорневой повтор (*дорога — дорожка* [как жизненный путь], *замок — замчище, город — городок*, а также *голод — голодна, нищий — нищета* и др.) Будучи средством связи, повторы реализуют прежде всего усиительно-выделительную функцию.

Повторная номинация и лексический повтор — важное средство художественной выразительности в повести. Повторные номинации выполняют в тексте разные функции: семантическую (когда имеет место уточнение денотата или если автору нужно обратить внимание читателей на особенности характера персонажа и важные детали предметного мира), экспрессивно-стилистическую (или эмоционально-экспрессивную), эфемистическую, текстообразующую. Можно отметить контактное и дистантное расположение составляющих разных номинативных рядов в тексте. Сам выбор средств повторной номинации дает Короленко возможность ясно выразить свое отношение к изображаемому и ярче раскрыть образ повествователя, поскольку номинативные ряды часто способствуют актуализации важных для главного героя повести характеристик. Наиболее сложной и разноплановой денотативно-сигнификативной структурой обладают в повести повторные номинации создания образа Тыбурция.

Повторная номинация часто сопровождается у Короленко лексическим повтором, что, безусловно, тоже способ ярко экспрессивного выделения. «Палитра смыслов» на основе повторных номинаций в тексте повести достаточно широка: это и номинация персонажа в разных жизненных ситуациях, со стороны разных героев произведения, различные оценочные характеристики и др. Для создания особого стилистического эффекта прием повторной номинации в ряде эпизодов усиливается приемом градации и особым нагнетанием тропов.

Нельзя не отметить активное использование автором коннотативной лексики и такие особенности повести, как метафоризм и парадоксализм. Однако при этом

некоторые эпизоды произведения характеризуются особой лирической проникновенностью, а сравнительные конструкции и небольшие пейзажные зарисовки способствуют формированию у читателей целостного представления о характере и мировосприятии главного героя повести «В дурном обществе».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверин Б. В.* Личность и творчество В. Г. Короленко // *Короленко В. Г.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Л.: Художественная литература, 1989. С. 5–22.
2. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
3. *Болотнова Н. С.* О связи теории регулятивности текста с прагматикой // *Вестник Томского гос. ун-та. Филология.* 2008. № 2(3). С. 24–30.
4. *Валгина Н. С.* Теория текста. М.: Логос, 2003. 173 с.
5. *Гак В. Г.* Повторная номинация, ее структурно-организующие и стилистические функции в тексте // *Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного: сб. статей.* М.: [б.и.], 1987. С. 24–33.
6. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 764 с.
7. *Гусева С. С.* Средства первичной и повторной номинации персонажа (на материале текстов А. П. Чехова) // *Мир русского слова.* 2015. № 3. С. 71–73.
8. *Николина Н. А.* Филологический анализ текста. М.: Академия, 2003. 256 с.
9. *Петрова Н. Г.* К вопросу о статусе лексического повтора в поэтическом дискурсе с позиций теории регулятивности // *Вестник Томского гос. пед. ун-та.* 2010. Вып. 6(96). С. 39–45.
10. *Шайхудинова Ю. Р.* Дж. Гринвуд и В. Г. Короленко: дети «дна» (на материале романа «Маленький оборвыш» и повести «В дурном обществе») // *Филологический журнал.* 2013. № 20. С. 41–45.

REFERENCES

1. *Averin B. V.* Personality and creativity of V. G. Korolenko. *Korolenko V. G. Sbranie sochinenii: v 5 t. T. 1 = Collected Works: in 5 vol. Vol. 1.* Leningrad: Fiction, 1989. P. 5–22. (In Russ.)
2. *Babenko L. G., Kazarin Yu. V.* Linguistic analysis of a literary text: theory and practice. Moscow: Flinta: Science, 2004. 496 p. (In Russ.)
3. *Bolotnova N. S.* On the connection between text regulativity theory and pragmatics. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology.* 2008;2(3):24–30. (In Russ.)
4. *Valgina N. S.* Theory of the text. Moscow: Logos, 2003. 173 p. (In Russ.)
5. *Gak V. G.* Repeated nomination, its structural-organizing and stylistic functions in the text. *Lingvisticheskie i metodicheskie problemy prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo: sb. statei = Linguistic and methodical problems of teaching Russian as a non-native language: a collection of articles.* Moscow, 1987. P. 24–33. (In Russ.)
6. *Gak V. G.* Linguistic transformations. Moscow: School "Languages of Russian Culture", 1998. 764 p. (In Russ.)
7. *Guseva S. S.* Means of primary and repeated nomination of the character (on the material of A. P. Chekhov's texts). *Mir russkogo slova = The World of Russian Word.* 2015;3:71–73. (In Russ.)
8. *Nikolina N. A.* Philological analysis of the text. Moscow: Academy, 2003. 256p. (In Russ.)
9. *Petrova N. G.* On the status of lexical repetition in poetic discourse from the standpoint of the theory of regulativity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin.* 2010;6:39–45. (In Russ.)
10. *Shaykhudinova Yu. R. J.* Greenwood and V. G. Korolenko: children of the "bottom" (on the material of the novel "Little Rascal" and the story "In a bad society"). *Filologicheskii zhurnal = Journal of Philology.* 2013;20:41–45. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Шумских, кандидат филологических наук, доцент

Ekaterina A. Shumskikh, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 12.04.2023; одобрена после рецензирования 04.06.2023; принята к публикации 15.06.2023.

The article was submitted 12.04.2023; approved after reviewing 04.06.2023; accepted for publication 15.06.2023.